

- Schmit Th. *Die Koimesis-Kirche von Nikaia: Das Bauwerk und die Mosaiken*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co, 1927. 56 S.
- Shevchenko E.V. Saint Joachim and Anna: Iconography. *Pravoslavnaia entsiklopediia (The Orthodox Encyclopedia)*. Vol. 23. Moscow, Tserkovno-Nautschnyi Tsentр Publ., 2010, pp. 172–184 (in Russian).
- Shpachinskii N.A., sviashchennik. *Kievskii mitropolit Arsenii Mogilianskii i sostoianie Kievskoi mitropolii v ego pravlenie (1757–1770 g.) (Arseniy Mogilyanskiy, the Metropolitan of Kyiv, 1757–1770)*. Kiev, tipografiia N. A. Girich Publ., 1907. 667 p. (in Russian).
- Tatarchenko S.N. *Rospis' tserkvei monastyria Kintsvisi v kontekste gruzinskogo i vizantiiskogo iskusstva. Dissertatsiia na soiskanie uchenoy stepeni kandidata iskusstvovedeniia. Gosudarstvennyi institut iskusstvovedeniia (Decoration of the Kintsvisi Monastery's Church in the Context of Georgian and Byzantine Art. Typescript of PhD thesis. Institute of art studies)*. Moscow, 2016. 223 p. (in Russian) (http://sias.ru/upload/ds-tatarchenko/Tatarchenko_disser.pdf, access 15.11.2021).
- The Complaint of Residents of Kyiv, 10 XI 1586. *Sbornik materialov dlia istoricheskoi topografii Kyeva i ego okrestnostei: Vremennaia komissiiia dlia razbora drevnikh aktov pri Kievskom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore (The Collection of Materials on the Historical Topography of Kyiv)*. Kiev, tipografiia E. Ya. Fedorova Publ., 1874, pp. 50–52 (in Russian).
- The Description of Kyiv of 1682. *Sbornik materialov dlia istoricheskoi topografii Kyeva i ego okrestnostei: Vremennaia komissiiia dlia razbora drevnikh aktov pri Kievskom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore (The Collection of Materials on the Historical Topography of Kyiv)*. Kiev, tipografiia E. Ya. Fedorova Publ., 1874, pp. 96–103 (in Russian).
- Thierry N., Thierry M. Église de Kizil-Tchoukour, chapelle iconoclaste, chapelle de Joachim et d'Anne. *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. Vol. 50. 1958, pp. 105–146.
- Vladimírskii letopisets. *Novgorodskaia vtoraiia (Arkhivskaia) letopis' (Chronicle of Vladimir. Archive 2nd Chronicle of Novgorod)*. Polnoie sobranie russkikh letopisei. T. 30. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo «Lan'» Publ., 2013. 243 p. (in Russian).
- Walter C. *Art and Ritual of the Byzantine Church*. Birmingham Byzantine series. Vol. 1. London, Variorum publications, 1982. 302 p.
- Zakharova A.V. The Frescoes of Apse of the Saint Anna Church in Trabzon, End of the 9th century. *Drevnerusskoe iskusstvo. Vizantiiskii mir: regional'nie traditsii v khudozhestvennoi kul'ture i problemy ikh izucheniiia. K iubileiu E.S. Smirnovoi (Art of Ancient Rus'. The World of Byzantium: the Study in Regional Traditions in Artistic Culture)*. Moscow, Institute of Art Studies Publ., 2017, pp. 375–386 (in Russian).
- Zakharova A.V. The raising of iconographic program of byzantine church: a view from periphery. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sbornik nauchnykh statei (Actual Problems of the Theory and History of Art)*. Saint-Petersburg: NP-Print Publ., 2019. Vol. 9, pp. 262–274 (in Russian).
- Zarras N. Narrating the Sacred Story: New Testament Cycles in Middle and Late Byzantine Church Decoration. *The New Testament in Byzantium, Dumbarton Oaks Symposia and Colloquia*. D. Krueger, R.S. Nelson (eds.). Washington, D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2016, pp. 239–275.
- Zinovii Otenskii. The Tale on the Dormition of Mother of God. Nikol'skiy A. *Sofia Premudrost' Bozhiiia. Novgorodskaia redaktsiia ikony i sluzhba Sv. Sofii (Saint Sophia — Holy Wisdom of God in Novgorod: Icon and Liturgy)*. Saint-Petersburg, S. n., 1906 a, p. 30 (in Russian).
- Zinovii Otenskii. The Tale on Saint Sophia — Holy Wisdom of God. Nikol'skiy A. *Sofia Premudrost' Bozhiiia. Novgorodskaia redaktsiia ikony i sluzhba Sv. Sofii (Saint Sophia — Holy Wisdom of God in Novgorod: Icon and Liturgy)*. Saint-Petersburg, S. n., 1906 b, pp. 24–30 (in Russian).

А.А. Гуппиус, С.А. Лащук

Надписи на Васильевских вратах 1336 года¹

© 2021

УДК 930.271
ББК 63.229(2)

Поступила в редакцию 25.11.2021

Васильевские врата, ныне закрывающие южный портал Троицкого собора (ранее — церкви Покрова) в Александрове, изначально были изготовлены для Софийского собора в Великом Новгороде по велению архиепископа Василия в 1335/1336 г. Точную дату, заказчика и обстоятельства изготовления памятника мы узнаем из пространной вкладной надписи, которая располагается на щельнике врат. Именно эта надпись наиболее часто упоминается в исследованиях, посвященных Васильевским вратам, так как благодаря ей врата оказываются одним из немногих однозначно датированных древненовгородских памятников. В то же время помимо вкладной надписи врата содержат более 50 надписей разного типа: на щельнике располагается молитва архиепископа Василия; все 28 сюжетных клейм включают в себя подписи к фигурам и, в некоторых случаях, пространные комментарии; надписи сопровождают изображения на умбонах. Такое обилие эпиграфического материала делает Васильевские врата уникальным памятником не только искусства, но и письменности.

Несмотря на то что техника, в которой выполнены надписи — золотая наводка по меди — обеспечила им в целом хорошую сохранность, многочисленные переделки, которым подверглись Васильевские врата за всю историю их существования, привели к повреждениям, которые мешают свободно прочитать ряд текстов. При переделке дверей в XVI в. мастерам пришлось сдвинуть пластины, чтобы уместить врата в новый, более узкий проход. Полувалики, скреплявшие пластины, набивались прямо по рисунку, в результате чего часть изображения (около 2 см с каждой стороны) и, в некоторых случаях, часть надписей оказались скрыты [Николаева, 1976. С. 59]. Позднее врата перемонтировались несколько раз, некоторые клейма и умбоны оказались погнуты, надписи затерты.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352), предоставленного Институту славяноведения РАН.

Из-за сложностей, связанных с прочтением надписей в их современном состоянии, этот значимый материал все еще не изучен в полной мере. Несмотря на обилие работ, где упоминаются и анализируются отдельные тексты Васильевских врат, до сих пор не существует сводной публикации, которая бы включала не только хорошо читаемые тексты на клеймах и на нащельнике, но и подписи к изображениям на умбонах (круглых бляшках в местах соединения клейм), а также обрывки надписей, с трудом поддающиеся интерпретации.

Отдельные надписи упоминались в ранних работах, посвященных Васильевским вратам [Мурзакевич, Мясоедов, 1910], однако впервые последовательно большая часть текстов была опубликована в книге архим. Леонида Кавелина [Кавелин, 1884. С. 85–93]. Архим. Леонид упоминает почти все хорошо заметные тексты, включая надписи на нащельнике и на умбонах врат, однако записывает их не всегда в точном соответствии с подлинником.

То же самое можно сказать о следующей крупнейшей публикации, посвященной Васильевским вратам — статье В.Н. Лазарева 1953 г. (перепечатана в 1970) [Лазарев, 1970], где надписи приводятся в составе комплексного описания памятника. Лазарев полно и достоверно раскрывает текст вкладной надписи, которая до этого была прочитана лишь частично, однако другие — более мелкие — надписи не всегда воспроизводятся им достаточно аккуратно.

Впоследствии тексты Васильевских врат были вновь опубликованы в статье Ю.А. Пятницкого в составе сводного каталога памятников новгородского художественного металла XI–XV вв. [Пятницкий, 1996]. Пятницкий приводит надписи на всех клеймах, а также вкладную надпись и молитву Василия Калики, оставляя, однако, без внимания надписи на умбонах. Прочтения Пятницкого в ряде случаев расходятся с прочтениями Лазарева (впрочем, довольно незначительно) и также не всегда точно отражают оригинальную орфографию.

Отдельное внимание в научной литературе было уделено молитве Василия Калики, расположенной на нащельнике под изображением Богородицы. Впервые текст молитвы был опубликован в книге архимандрита Леонида с некоторыми неточностями в орфографии отдельных слов, а также произвольными реконструкциями затертых фрагментов в местах переноса строк [Кавелин, 1884. С. 92]. Впоследствии разные прочтения молитвы по подлиннику были предложены В.Н. Лазаревым [Лазарев, 1970. С. 193], который по-своему раскрывает все неоднозначно читаемые или поврежденные фрагменты текста, а также Т.В. Николаевой [Николаева, 1976. С. 62] и Ю.А. Пятницким [Пятницкий, 1996. С. 309], которые большую часть сложных мест оставляют без реконструкции. Последняя публикация этого текста принадлежит А.С. Преображенскому, который приводит разные прочтения спорных фрагментов, отмечая в каждом случае наиболее правдоподобный вариант [Преображенский, 2010. С. 194–195]. Подробный разбор сложно читаемых мест молитвы будет приведен ниже.

Единственной работой, где надписи Васильевских врат не только публикуются, но и анализируются с точки зрения их палеографии и орфографии, является статья А.А. Медынцева [Медынцева, 2006]. Анализ палеографии надписей подтвердил предположение В.Н. Лазарева о том, что над ориги-

нальными пластинами XIV в. работало 4 разных мастера, каждый со своим собственным стилем, который отражается не только в манере рисунка, но и в особенностях орфографии и начертаниях букв. Атрибуция клейм, предложенная Медынцевой, почти полностью совпадает с атрибуцией Лазарева. К сожалению, исследовательница не рассматривает надписи на умбонах, большая часть которых, вероятно, должна принадлежать той же группе мастеров, что и надписи на клеймах и нащельнике.

Цель настоящей публикации — представить точные прочтения всех надписей Васильевских врат и предложить реконструкции для сложно читаемых, частично утерянных или поврежденных фрагментов². Комплекс надписей в рамках одной пластины приводится под одним номером, а отдельные надписи обозначаются как «тексты» (Т1, Т2 и т.д.). Соответственно, ссылки типа 25.4 в комментариях отсылают к надписи Т4 комплекса 25. Для каждой надписи указывается ее расположение на вратах, датировка³, принадлежность одному из четырех мастеров (в соответствии с атрибуцией Медынцевой), приводится (при необходимости) перевод, и комментарий, включающий информацию о предыдущих прочтениях (если есть расхождения), разъяснения спорных мест, характеристику орфографии, сведения об источниках и др.

Тексты надписей воспроизводятся по системе, разработанной А.А. Зализняком для берестяных грамот и в последнее время активно используемой в публикации памятников эпиграфики: сокращения не раскрываются, в квадратные скобки ставятся буквы, сохранившиеся частично и читаемые неоднозначно, а в круглые — чистые конъектуры. Буквы, составляющие лигатуры, обозначены подчеркиванием. Для обозначения разрыва текста изображениями используется помета [im.]. Тексты приводятся с разделением на строки

2 Надписи были прочитаны на основе фотографий, предоставленных А.Л. Гульмановым, за что авторы выражают ему признательность.

3 Вопрос о датировке разных фрагментов Васильевских врат до сих пор окончательно не решен в научной литературе. Большая часть клейм и изображений на нащельнике однозначно относится к времени создания врат и датируется, согласно вкладной надписи, 1335/1336 г. (6844 г.). Ряд пластин, однако, представляет собой более поздние дополнения, и вопрос о времени их появления решался по-разному разными учеными [Гульманов, 2019. С. 34]. К этим дополнениям относятся: четыре клейма с богородичными сюжетами, образующими полукруглое завершение створок врат; клейма «Сошествие св. Духа на апостолов» и «Давид, поразивший Голиафа»; умбоны с изображениями Троицы Новозаветной, Богородицы (из деисуса), евангелиста Матфея, Козьмы Майумского, святого мученика Лавра, а также часть изображений на нащельнике: Иоанна Предтечи и святых мучеников Гурия, Самона и Авива.

Датировка вставок варьирует в зависимости от аргументации. В.Н. Лазарев на основании анализа стиля отнес новые клейма к 1520–1530-м гг., а образ Иоанна Предтечи и умбоны — к 1570-м [Лазарев, 1970]. А.Н. Трифонова связала появление всех дополнений с поновлением Софийского собора в 1550–1560-х гг. [Трифопова, 1995], а М.И. Антыпко — с переносом врат в Александровскую слободу в 1570-х гг. [Антыпко, 2005]. Так или иначе, датировки позднейших клейм находятся в пределах XVI в., и именно эту обобщенную дату мы будем использовать в каталоге надписей.

(с использованием для обозначения переноса знака ꝛ) или, для экономии места, без него (в этом случае границы строк обозначаются знаком |). В угловые скобки в комментариях помещаются нормализованные написания.

Иллюстрации к каталогу будут в полном объеме представлены в создаваемой базе данных «Древнерусская эпиграфика» (epigrafika.ru).

КАТАЛОГ НАДПИСЕЙ

Надписи в композициях

1. «Моление Анны». Левая створка, ряд 1, левое клеймо (полукруглое завершение). XVI в.

<T1: в верхней части композиции> **моление Ан^ні но в садѸ**

<T2: в нимбе над головой Анны> **(Ан)на**

В предыдущих публикациях читалось: Анино (с одной н) [Лазарев, 1970. С.193; Пятницкий, 1996. С.300], однако внутри декоративного титла над этим словом можно увидеть еще одну букву н, выносную.

2. «Введение во храм». Левая створка, ряд 1, правое клеймо (полукруглое завершение). XVI в.

<T1: в верхней части композиции> **(въве)дение во церковь |**

с^тына Б^аца

<T2–5: в нимбах над головами персонажей> **Іаким**

Анна

Захаріа

Б^аца

<T6–7: в правой части композиции, над головами Богородицы и ангела> **[агг^а]**

Б^аца

В надписи Т6 буквы полустерты и не прочитываются однозначно, по аналогии с надписями 26–28 можно также прочитать [арн^а].

3. «Рождество Богоматери». Правая створка, ряд 1, левое клеймо (полукруглое завершение). XVI в.

<T1: в верхней части композиции> **Рожество с[ты](на Б^аца)**

<T2: в левой части композиции, в нимбе над головой Анны> **Анна**

<T3–5: в правом нижнем углу композиции, в нимбах над головами персонажей> **Анна**

Іаким

Мр ѠѸ

4. «Моление Иоакима». Правая створка, ряд 1, правое клеймо (полукруглое завершение). XVI в.

<T1: в верхней части композиции> **моленіе Іакімов(о)**

<T2: в нимбе над головой Иоакима> **Іаким**

В предыдущих публикациях Т1 читалось: **моленіе Іакима** [Лазарев, 1970. С.194]; **моленіе Іакім** [Пятницкий, 1996. С.300].

5. «Благовещение, архангел Михаил». Левая створка, ряд 2, левое клеймо. 1335/1336, четвертый мастер.

<T1: по бокам от нимба над головой архангела Гавриила> **Гав |ім.| о арѸ**

<T2: на лабаруме в руках архангела Гавриила> **св ю | гс пз ва | сл**

[ил.1]

Перевод: Святой Господи, помоги Василию.

В предыдущих публикациях надпись на знамени в руках архангела Гавриила никогда не упоминалась: буквы в ней расположены близко друг к другу, читаются с трудом и не складываются однозначно в ясный текст. Тем не менее буквы на знамени безусловно есть, и они должны иметь какое-то значение. Само знамя представляет собой так называемый лабарум — воинский штандарт, который нередко изображается на иконах в руках у ангелов или архангелов. Надписью, традиционной для лабарума, является начало ангельского славословия: «Свят, свят свят Господь Саваоф» (или только «свят, свят, свят» / «агиос, агиос, агиос»). Действительно, первые две буквы слова «свят» можно увидеть на знамени. Тем не менее остальные буквы не прочитываются настолько же легко. Во второй строке можно рассмотреть достаточно четко начальную г, следующую за ней с и, вероятно, п. Буква после п с трудом поддается интерпретации и может быть прочитана только как зеркальная з. Подобная последовательность букв — г с п з — наталкивает на мысль о сочетании, хорошо знакомом каждому эпиграфисту: «Господи, помози». Следующие буквы, в свою очередь, читаются достаточно четко и вместе с буквами в начале третьей строки складываются в последовательность ва|сл. Наконец, сложно читаемая буква в первой строке может быть интерпретирована как широкая ю с незамкнутой внизу петлей. В сочетании с предыдущим получаем форму дательного падежа имени адресанта молитвы: **Вас<и>л<и>ю**.

Таким образом, можно аккуратно предположить, что автор надписи начал писать традиционное ангельское «свят», однако, не закончив первое слово, переключился на молитвенную запись от лица заказчика врат. Можно также прочесть: **Св<ятыи> Г<оспод>и, п<омо>з<и> Вас<и>л<и>ю**.

6. «Благовещение, Богоматерь». Левая створка, ряд 2, правое клеймо. 1335/1336, четвертый мастер.

<T1: в левом верхнем углу, рядом с креплением> **[М]ір**

<T2: в левой верхней части композиции> **Бла|говещ|ние**

<T3: возле креста справа от Богородицы> **Іе|ім.|и|ім.|мь**

[ил.2]

Справа от Марии изображен крест, по бокам от которого также читаются буквы: слева видны буквы **IE**, справа — **И**. Кроме того, низ креста напоминает букву **М**, по бокам от которой в две стороны торчат петли, которые можно интерпретировать как «ер». Из этих букв вполне однозначно складывается сокращенное слово (по существу — криптограмма) Иерусалимъ, логично вписывающееся в сюжет и иконографию клейма, так как именно для Иерусалимского храма, согласно апокрифу, Мария прядет завесу⁴. В предыдущих публикациях эта не упоминается.

7. «Рождество Христово». Правая створка, ряд 2, левое клеймо. 1335/1336, третий мастер.

<Т1: в левой верхней части композиции> **(P)[ож]ство · Хѡо ~**
 <Т2: в правой верхней части композиции> **оѡ...**
 <Т3–4: в левой части композиции, рядом с изображением волхвов> **Волта|саръ**
Гасва|рѣ
 <Т5–6: в центре композиции рядом с изображением Богородицы с младенцем> **Мѣр · ОѢ ·**
Іс · Хѣ
 <Т7: в левой нижней части композиции> **Іс Хс**
 <Т8: в правой нижней части композиции> **аѣ|ос ~ (sic!)**
Еси(пъ)

Загадочные буквы **Оѡ** (Т2) в правом верхнем углу клейма — это, скорее всего, только начало надписи, продолжение которой закрыто «лапкой» умбона (ср. аналогичную ситуацию с надписью 22.1). Допустимо предположить, что перед нами искаженное название Вифлеема — *Оѡ(леемъ)*, возникшее в результате переосмысления воспринятых на слух при чтении Евангелия упоминаний города. В рассказе о Рождестве Христове название употребляется с предложением: «въ Виѡлеемѣ Иудеистѣмъ» (Мф. 2:1, 5), «и пославъ ихъ въ Виѡлеемъ» (Мф. 2:8), «дѣти сущия въ Виѡлеемѣ» (Мф. 2:16). С пропуском слога сочетание *во Виѡлеем-* превращается в [вофлеем-], откуда, путем переразложения, возникает *в Офлеем*. Этот механизм искажения библейского топонима находит прямое подтверждение в данных фольклористики. А.Б. Мороз, говоря о трансформациях, которым церковнославянские обороты подвергаются в фольклорных текстах, приводит в качестве примера варианты зачина апокрифического «Сна Богородицы» — «во граде Вифлееме (Иудеистем)/Назарете» в современных списках этого текста [Мороз, 2015]. Среди этих вариантов находим «во городе во Флиеме» (с членением на слова!), «в Ифлиме граде», «в городе в Ихлиме». Реконструируемый «Оѡ(леемъ)» на Васильевских вратах органично вписывается в этот ряд, демонстрируя глубокую древность явления.

Имена волхвов на клейме Васильевских врат [Т3–4] — по-видимому, самая ранняя фиксация их в памятниках древнерусского искусства и письменности.

⁴ Этот сюжет упоминается в двух известных апокрифических текстах: «Протоэвангелии Иакова» и «Евангелии Псевдо-Матфея» [Свенцицкая, 1996].

В.Н. Лазарев, ссылаясь на Н.В. Покровского, пишет о редкости обозначения имен волхвов в иконографии «Рождества Христова». Оба примера у Покровского [Покровский, 2001. С. 225] — поздние («Гаспаръ, Валтасаръ, Мелхисиръ» на иконе XVIII в. из ц. Петра и Павла в Старой Руссе и «Асиръ, Мелхиоръ, Валтасаръ» на иконе Общества любителей древней письменности XVII–XVIII вв. № 68). Как самый ранний пример в древнерусской иконописи приводятся надписи на псковской иконе «Рождество Христово с избранными святыми» из ГРМ начала XVI в.: «Мальфишнъ, Сальтасаръ, Наспаръ» [Родникова, 1990. С. 301]. Вместе с надписями на Васильевских вратах эти примеры демонстрируют масштаб искажений, которым каноническая в западной традиции триада «Каспар, Мельхиор, Валтасар» подверглась на Руси вследствие отсутствия церковного почитания волхвов. Не названные в Евангелии, имена волхвов упоминаются в имевших хождение на Руси апокрифах — «Слове о рождении Христове и пришествии волхвов» («Мельхиор, Каспар, Валтасар» [Порфирьев, 1890. С. 155]), «Слове о звезде Ираньи» («Валтасар, Аспир, Мелхион» [Бегунов, 1983. С. 247]), а также особенно популярной «Беседе трех святителей». В одном из списков последней читаем: «Василие рече: кто слышахъся волсви, иже дары при-несоша Бѣгъ? Іваннъ рече: Мелхеонъ, Аспаръ, і Валтасаръ» [Порфирьев, 1890. С. 391]. Появление имен волхвов на Васильевских вратах может, наряду с изображением Соломона и Китовраса, рассматриваться как проявление влияния апокрифической словесности на иконографическую и текстовую программу памятника. В этой связи укажем также на свидетельство бытования в Новгороде «Беседы» и текстов ее круга уже в домонгольское время — граффито с загадкой об Адаме, читаемое на фрагменте фресковой штукатурки, найденном при раскопках в Мартирьевской паперти Софийского собора [Гиппиус, Михеев, 2013].

Предпоследняя буква в имени Иосифа [Т8], скрытая под ограничительной пластиной, восстанавливалась в предыдущих публикациях как П, в соответствии с русифицированным началом слова. Однако на ее месте с той же вероятностью может стоять и фита.

8. «Сретение Господне». Правая створка, ряд 2, правое клеймо. 1335/1336, первый мастер.

<Т1: в верхней части композиции, по бокам от изображения храма> **оустрете|им.|ниѣ Гѣ наше^р |**
Іс Хс
 <Т2–6: рядом с нимбами персонажей> **Іакымъ**
Мрѣ ОѢ
Семев|нѣ
Іс Хс
Аньна

9. «Крещение Господне». Левая створка, ряд 3, левое клеймо. 1335/1336, второй мастер.

<Т1–2: в левой верхней части композиции> **(Iwa)[н]о**
Крще|ниѣ

1

2

ил. 1 Васильевские врата 5.2–5. «Благовещение, архангел Михаил». Левая створка, ряд 2, левое клеймо. 1335/1336, четвертый мастер

fig. 1 Vasilievsky Gate 5.2–5. Annunciation, Archangel Michael. Left fold, second row, left scene. 1335/1336, the fourth master

ил. 2 Васильевские врата 6.2–3. «Благовещение, Богоматерь». Левая створка, ряд 2, правое клеймо. 1335/1336, четвертый мастер

fig. 2 Vasilievsky Gate 6.2–3. Annunciation, Mother of God. Left fold, second row, right scene. 1335/1336, the fourth master

<Т3-5: в центре и правой верхней части композиции>

Іс Хс
англи
Мих

Подпись к изображению Иоанна Крестителя почти полностью затерта и прежде не упоминалась в публикациях. Первые буквы восстанавливаются лишь приблизительно (так имя Иоанна написано на пластине «Преображение», выполненной тем же мастером). Примечательна мена Ъ на О в конце слова, которая не встречается больше нигде на вратах, кроме, предположительно, текста молитвы, принадлежащего, согласно атрибуции Медынцевой, другому мастеру.

10. «Распятие». Левая створка, ряд 3, правое клеймо. 1335/1336, первый мастер.

<Т1: в перекладине креста>

Ісѣ Хѣ
Распа|им.|тиѣ

<Т2: в верхней части композиции, по бокам от креста>

<Т3-4: рядом с фигурами персонажей>

Мѣр ѠѦ
Ива|нѣ

11. «Снятие с креста». Правая створка, ряд 3, левое клеймо. 1335/1336, первый мастер.

<Т1: в верхней части композиции, по бокам от креста>

Іс Хс

<Т2: над головой одной из жен-мироносиц>

Ане|на|~

<Т3: в правой верхней части композиции>

Ќси ѣ снимаєть | Гѣа

<Т4: в правой нижней части композиции>

Ни|код|имо

Предыдущие прочтения Т2: **Аннас** [Лазарев, 1970. С. 198]; **Аненас** [Пятницкий, 1996. С. 303]. Последний знак все же следует рассматривать как декоративный: подобная тильда встречается в целом ряде клейм. Замена ѣ на е — эффект «бытовой» орфографии.

12. «Воскресение Господне». Правая створка, ряд 3, правое клеймо. 1335/1336, первый мастер.

Въскрѣніѣ | Гѣне

13. «Воскрешение Лазаря». Левая створка, ряд 4, левое клеймо. 1335/1336, четвертый мастер.

<Т1: в верхней части композиции>
<Т2: по бокам от нимба над головой Христа>

Лазоровѣ въскрѣшь|ніѣ
Іс Хс

В Т1 в обоих словах «бытовые» замены о на ѣ и е на ѣ. Притяжательное **Лазорово** указывает на твердую основу **Лазорѣ**. Ср. такое написание имени

на фреске начала XII в. с изображением св. Лазаря в Николо-Дворищенском соборе [Царевская, 2004. С. 469].

14. «Вход в Иерусалим». Левая створка, ряд 4, правое клеймо. 1335/1336, второй мастер.

<Т1: в верхней части композиции> **входъ въ |im.| Юр^олмъ**
<Т2: по бокам от нимба над головой Христа> **Іс Хс**

Предыдущие прочтения Т1: **Входъ въ Ерлимъ** [Лазарев, 1970. С. 199]. Надпись отразила народный вариант названия Иерусалима — **Еросалимъ**. Ср. **Иеросали^м** в списке XVI в. «Хожения Антония» (РНБ, QIV.413. Л. 46, НКРЯ). Старорусский подкорпус НКРЯ фиксирует этот вариант в ряде памятников XV–XVII вв.: Повести о путешествии архиепископа Иоанна на бесе, послании Ивана Грозного Александру Прлубенскому, Житии протопопы Аввакума и др.

15. «Преображение Господне». Правая створка, ряд 4, левое клеймо. 1335/1336, второй мастер.

<Т1: в верхней части композиции> **преоб|im.|ражени|є |im.| Гñе**
<Т2: справа у фигуры Моисея> **Мо|иси**
<Т3: в нижней части композиции у фигуры Иоанна> **Іw|ан**
<Т4: в левом нижнем углу возле крепления> **(Пе)тр|ъ**

В.Н. Лазарев читает также надпись [Или]я возле фигуры Илии.

16. «Вознесение». Правая створка, ряд 4, правое клеймо. 1335/1336, второй мастер.

<Т1: по бокам от нимба над головой Христа> **Іс Хс**
<Т2: над изображением Богородицы> **Мйр ΘѠ**

17. «Успение Богородицы». Левая створка, ряд 5, левое клеймо. 1335/1336, второй мастер.

<Т1: в верхней части композиции> **[оуспе]ниє |im.| стѣа Бѣа**
<Т2: в центре композиции, по бокам от изображения Христа> **Іс Хс**
<Т3: справа возле ограничительной пластины> **(ап^л)ли~**

Справа из-под ограничительной пластины видна буква **И**, от верха которой влево отходит черта. Мы интерпретируем эту надпись как слово «апостолы» с лигатурой в конце: **(ап^л)ли~**. Знак после слова, который может напоминать букву **Р**, является декоративным росчерком и встречается также в клейме «Снятие с креста».

18. «Гроб Господень». Левая створка, ряд 5, правое клеймо. 1335/1336, первый мастер.

<Т1: в верхней части композиции> **гробъ Гнъ ~**
<Т2: над головой архангела Михаила> **Михаи^л | б архі^с**
<Т3: над головами святых жен> **мюр|носици**

19. «Сошествие святого духа». Правая створка, ряд 5, левое клеймо. XVI в.

<Т1: в верхней части композиции> **сшествиє · ст^га · дха**
<Т2-13: в нимбах апостолов, слева направо> **Θо (Фома) Си (Симон)**
Іак (Иаков) ЛѠ (Лука) Ма (Марк)
(Пе) (Петр) Па (Павел)
Иѡа (Иоанн) Ма (Матфей)
Ан (Андрей) Ва (Варфоломей)
Θі (Филипп)

20. «Святая Троица». Правая створка, ряд 5, правое клеймо. 1335/1336, второй мастер

троїца |im.| стѣаа

21. «Ликование царя Давида». Левая створка, ряд 6, левое клеймо. 1335/1336, второй мастер.

<Т1: в верхней части композиции> [ил. 3] **(Д)ѡдъ црѣ · предъ сѣньны(м)**
ковчегомъ · скакаше игра
на · бйи же людье стий · w
бразомъ сбытыа зраще
весели
мъся бжест
внѣ
<Т2: возле фигуры царя Давида> **Дѡдъ | о а~**

Перевод: Давид-царь перед ковчегом, подобным тени, скакал, играя; мы же, Божий народ святой, видя исполнение прообразов, возрадуемся боговдохновенно⁵.

В изображении объединены два сюжета: Ликование Давида при перенесении Ковчега в Сионскую крепость (2 Цар. 6) и поражение Озы, дерзнувшего протянуть руку к Ковчегу при выходе шествия из Кириафарима (1 Пар. 13:7–11) [Пятницкий, 1996. С. 318]. Надпись, соответственно, описывает лишь первый из них. В надписи дословно цитируется ирмос 4 песни пасхального канона Иоанна Дамаскина: «Богоотец убо Давид пред санным ковчегом скакаше играя, людие же Божии святии, образов сбытие зряще, веселимся Божественне, яко воскресе Христос, яко всеилен». В пасхальном тропаре возвращение Ковчега завета иудеям сопоставляется с воскресением Христа. Ковчег оказывается символом

⁵ За основу взят перевод пасхального тропаря, сделанный иером. Амвросием (Тимротом).

3

ил. 3 Васильевские врата 21.1-2
«Ликование царя Давида»
Левая створка, ряд 6, левое клеймо
1335/1336, второй мастер

fig. 3 Vasilevsky Gate 21.1-2
Rejoicing of King David. Left fold,
sixth row, left scene. 1335/1336,
second master

ил. 4 Васильевские врата 22
«Весы Страшного суда». Левая створка,
ряд 6, правое клеймо. 1335/1336,
третий мастер

fig. 4 Vasilevsky Gate 22
Scales of the Last Judgment.
Left fold, sixth row, right scene.
1335/1336, the third master

4

гроба и воскресения Господня, и этим объясняется происхождение эпитета «сенный»: от слова «сень» — тень, прообраз. Верующим предлагается возрадоваться воскресению Христа подобно тому, как Давид радовался возвращению ковчега. Таким образом, это клеймо оказывается тематически связано со сценами пасхального цикла, следующими литургии Светлой седмицы. Автор надписи цитирует текст тропаря дословно, однако опускает сам новозаветный образ, оставляя лишь описание ветхозаветного прообразовательного события. Из-за этого текст надписи вне контекста ее источника оказывается не до конца ясным: теряется мотивация выражения «образом сбытья», то есть «исполнения прообразам», и становится непонятен субъект глагола «веселимся». В результате первое лицо глагола «веселимся» заставляет читать эту надпись как произносимую людьми, сопровождающими шествие по переносу Ковчега, которые изображены на клейме. Такой же эффект прямой речи мы видим на клейме «Весы Страшного суда» (см. комментарий к надписи 22.6).

22. «Весы Страшного суда». Левая створка, ряд 6, правое клеймо. 1335/1336, третий мастер [ил. 4].

<T1: у основания весов>

<T2: над фигурой беса>

... а |im.| душе...

ѠКНЪ| (и на)≠

рмане (ви)≠

дѢЛЪ· Ц[И]^(м)

ѠТАНУ(ти)

ДОБРИХЪ· І ЛИХИХЪ (...)

ДУША | УСТРАШАЕ|ТСѢ

ПРѢ|ВѢТА

ГРѢХЫ

АЩЕ ТА~

ѠКАНЬ

РАЖЮ ТО

УВИДИШИ

СОБѢ

<T3: над обнаженной фигурой>

<T4: на левой чаше весов>

<T5: на правой чаше весов>

<T6: между чашами весов>

Клеймо характеризуется наиболее сложным соотношением изображений и надписей, часть из которых до последнего времени оставалась не интерпретированной. Аутентичное название композиции, которое В.Н. Лазарев [Лазарев, 1970. С. 203] и вслед за ним А.А. Медынцева [Медынцева, 2006. С. 86] восстанавливают как (судъ) душе, в действительности было иным. Левее свисающей из полукруглого основания цепи уверенно прочитывается буква а, которой заканчивалось слово, большая часть которого ушла под пластину с заклепками. В такую же пластину упирается справа последовательность душе, которую поэтому нет оснований трактовать как законченную словоформу. Полагаем, что исходный вид T1 был (мѣрил)а душе(вная). Возможность такого обозначения «весов Страшного суда» подтверждается примером из Пролога XIV в.: «и принесоша мѣрила и влагающемъ моуриномъ вса рукописаниа разбоиница. и протагноу ѳедина страна» [Словарь древнерусского языка. Т. 5. С. 106].

Надписи Т4 и Т5, помещенные на чашах весов, естественно трактовать как обозначения взвешиваемых добрых и злых деяний умершего. Надпись на правой чаше вполне можно понять таким образом. Хотя корректная форма именительного падежа множественного числа от **грѣхъ** была бы **грѣси**, **грѣхы** может представлять собой инновацию, вызванную взаимодействием форм именительного и винительного падежей. Но как объяснить начертанное на левой чаше слово **прѣвѣта**? В.Н. Лазарев и А.А. Медынцева трактуют его как искаженное *правота*, однако допущение сразу двух ошибок в одном слове делает эту трактовку более чем сомнительной (к тому же антитезой грехам может выступать в церковных текстах *правда*, но не *правота*). Впрочем, без предположения об ошибке здесь, как кажется, обойтись невозможно. Полагаем, что **прѣвѣта** — это искаженное **прѣвѣса**. Превращение с в т палеографически объяснимо: за левую засечку т могла быть принята правая засечка **ѣ**, находившаяся в оригинале (эскизе?) надписи вплотную к с. **Прѣвѣса**, как и вариант мужского рода **прѣвѣсь**, фигурирует в источниках как одно из названий весов, но надо думать, что, подобно современному *перевес*, это слово могло обозначать и большую тяжесть. В надписи оно может выступать именно в этом значении, называя изображенное состояние весов, при котором добрые дела, прямо не названные, но подразумеваемые как антитеза к грехам, перевешивают последние. Недостатком такой трактовки является, однако, предполагаемая ею асимметричность надписи. Это заставляет учесть и другую возможность. Надписи Т3, Т4 и Т5 могли изначально представлять собой части одной фразы: **душа устрашается прѣвѣса грѣхы** ‘Душа боится, что грехи перевесят (буквально: «перевеса [добрых дел] грехами)’ (поясним, что **грѣхы** — правильная церковнославянская форма творительного падежа множественного числа). В эскизе клейма эта фраза, описывающая состояние души, могла быть оформлена так же, как и надписи Т2 и Т6, относящиеся к фигурам беса и ангела. Примечательным образом количество букв в ней (27) совпадает с их числом в двух надписях Т2 (27–29) и Т6 (27). Похоже, что мастер, не разобрав слова **прѣвѣса** и неправильно трактовав фразу в целом, распределил ее между фоном и чашами весов, «положив» загадочное **прѣвѣта** на левую чашу, а **грѣхы** на правую.

Надписи Т2 и Т6 образуют пару. Левый край Т2 закрыт зубчатым краем пластины с заклепками, из-за чего прочесть надпись до сих пор не удавалось. При этом, как заметила А.А. Медынцева, «нижняя строка появилась уже после нанесения надписи кисточкой, на стадии прочерчивания (выскабливания) острым предметом, о чем говорят меньший размер букв, тонкие и остроугольные линии. Скорее всего, это правка в процессе изготовления, которая может быть сделана рукой другого мастера» [Медынцева, 2006. С. 86]. Строка как будто упирается в полосу с заклепками, и можно было бы подумать, что она написана после того, как первоначальное поле изображения было частично закрыто. Но технологически это невозможно (благодарим за консультацию А.Л. Гульманова), а палеографические данные заставляют датировать строку XIV в. Однако писец явно стремился уместить текст на ограниченном про-

странстве, прибегнув для этого к ряду технических ухищрений (нестандартную лигатуру **до**, вынесенные над строкой **и**, «двойное» использование буквы **х** в слове **лихихъ**, «пляшущее» расположение **х** и **ѣ**). Можно думать что в конце строки находилось слово **дѣлъ**.

Без последней строки надпись первоначально гласила: **«Вкнѣи ѿрма не (ви)дѣлъ ци ѿтану(ти)»** ‘Окаянный не видел, чем оттянуть [чашу/коромысло] весов’. Ключевое для понимания текста слово **ѿрма** засвидетельствовано в Изборнике 1073 г. как название знака Зодиака ‘Весы’ [Срезневский, 1893–1903. Т.3. С.1665]. На л. 251 слово употреблено дважды: в основном тексте и как подпись к иллюстрирующему его рисунку с изображением весов [см. также: Баранкова, 1979. С.154]. В надписи оно явно означает ‘коромысло весов’: это значение, хотя и не представлено другими примерами в славянских языках, входит в семантический спектр многозначного греч. ζῦρον наряду со значениями ‘ярмо’ и ‘весы’.

Мастер, добавивший к надписи пятую строку, мог руководствоваться желанием пояснить слово **ѿрма**, которое он понял как обозначение весов в целом. Можно думать, что строка мыслилась им как дистантно расположенное несогласованное определение: **(ѿ)рма ... добрыхъ и лихихъ (дѣлъ)**, а вся фраза, с его точки зрения, означала ‘Окаянный не видел, чем оттянуть весы добра зла’.

Надпись Т6 представляет собой прямую речь ангела. Согласно описанию клейма В.Н. Лазаревым, «слева стоит ангел, поражающий копьем „змия“ (?), справа представлен бес, пытающийся зацепить крюком чашу весов». Между тем, как указал [Чернецов, 1975. С.43], «змий» является в действительности завершением хвоста дьявола, часть которого осталась за рамкой изображения. К этому единому персонажу, который, согласно Т2, «не видел, чем оттянуть коромысло весов», и обращается ангел со словами: **«Аще та, ѿкань, ражю, то увидиши собѣ!»**. Вопреки А.В. Чернецову, допускающему пропуск строки — **окань(ныи по)ражю**, древнерусский текст не нуждается в эмендации: **окань** — вокатив <окане> от **оканыи** [Словарь древнерусского языка. Т.6. С.104], записанный с «бытовой» заменой е на ѣ (ср. замены о на ѣ в № 25), а **ражю** — презенс бесприставочного двувидового глагола **разити**. Форма **себѣ**, трактованная Медынцовой как родительный падеж возвратного местоимения, записанный с заменой е на ѣ, в действительности — датив. Перед нами яркий пример экспрессивного употребления дательного падежа — так называемый *dativus ethicus*, выражающий оценку действия говорящим. Фразу можно перевести, используя аналогичный современный оборот с местоимением 1-го лица: «Как поражу тебя, окаянный, увидишь у меня!»

В лингвистическом отношении примечательно написание **устрѣшае|тсѣ**, где **ѣ** заменяет **а**. Эту замену можно было бы трактовать как отражение перехода [а] в [е] после мягкого согласного, считая **ѣ** графическим эквивалентом е (ср. случаи записи через е возвратной частицы в берестяных грамотах: **мы се ведаемо** Пск.7, **се замѣшете** 318 и др. [Зализняк, 2004. С.74]). Однако в текстах, написанных третьим писцом, е и **ѣ** последовательно различаются. Более

вероятно, что за данным написанием стоит открытое произношение ѣ, которое, по-видимому, было свойственно части северо-западных говоров, хотя и редко отражается на письме [Там же. С. 52; Галинская, 1995]. Ср. Гюрѣти- в берестяной грамоте № 947 (XII в.), а также ходѣ вместо хода в надписи на новгородской иконе «Спас на престоле» конца XIII — начала XIV в. из собрания Третьяковской галереи [Смирнова, 1976. С. 161]⁶.

23. «Бой Давида с Голиафом». Правая створка, ряд 6, левое клеймо. XVI в.
црѣ Да[im.]въ⁴ поразі Го(ліаѡа)

24. «Китоврас и Соломон». Правая створка, ряд 6, правое клеймо. 1335/1336, третий мастер [ил. 5].

(К)итоврасъ меце братомъ
своімъ · Со[ло](мо)
[н]о[м]ъ · на ѡбѣтованую
землю · за сл[о]въ · [іе](го)

Представленные в литературе транскрипции надписи расходятся в форме имени Соломона и по разному передают окончание текста. Имя В.Н. Лазарев читает как [Соломон]омъ [Лазарев, 1970. С. 206], тогда как в других публикациях находим Сол...онъ [Пятницкий, 1996; Медынцева, 2006] и Сол(о)монъ [Бобров, 2017. С. 442]. В конце второй строки Лазарев читает за[верже], Пятницкий — за сл[...в]ъ, Медынцева — за сл[ав]ъ, Бобров — за [словъ]⁷. В передаче имени Соломона безусловно прав В.Н. Лазарев — не потому, что форма творительного падежа требуется здесь грамматически, но потому, что из букв согласных в начале второй строки первая существенно уже второй, а вторая имеет строго горизонтальную перекладину — очевидно, перед нами особое, декоративное начертание м того типа, который представлен, например, в сокращении мр̄ оӯ (!) в надписи клейма «Рождество Христово». Соответственно, после читаемого со[ло] в конце второй строки стояли еще две буквы. В трактовке окончания надписи В.Н. Лазарев столь же однозначно ошибся, восстановив за[верже] на основе литературной параллели, в которой выступает этот глагол, — на современных фотографиях здесь уверенно прочитываются буквы засл-въ. Буква после л, поврежденная круглым отверстием, однозначно не восстанавливается, но более всего похожа на о. Прочтение этой буквы как а, предложенное А.А. Медынцовой, возможно только если считать, что писавший обводил имевшееся в пластине отверстие. Однако отверстие (симметричное ему закрывает часть м в Со[ло](мо)номъ) представляет собой дыру от вынутой заклепки, то есть безусловно вторично. Ни одной из публикаций не отражена буква после въ. Между тем на макрофотографиях она читается вполне уверенно и опознается

6 См. качественное цифровое изображение: https://www.icon-art.info/masterpiece.php?lng=ru&mst_id=821.

7 А.Г. Бобров ссылается на публикацию В.Н. Лазарева, но, очевидно, приводит текст надписи в собственном прочтении.

как іе. Эта буква находится под вторым о в Со[ло](мо)номъ), и после нее в конце строки должны были стоять еще две буквы. При таких данных единственно возможным чтением для окончания надписи оказывается за сл[о]въ · [іе](го), с «бытовой» заменой о на ѣ. Этот графический эффект, хотя и не представлен более в данной надписи, присутствует в надписях клейма 25.

Литературным источником изображения послужил рассказ о царе Соломоне и Китоврасе из апокрифического цикла, известного по Хронографической палее и заимствованиям из нее. В отдаленной перспективе сюжет восходит к Талмуду, в котором Китоврасу соответствует демон Асмодей. Приведем текст соответствующего эпизода по сборнику книгописца Ефросина (РНБ, Кир.-Бел. 80. Л. 276): «Бысть егда нача молвити Соломонъ Китоврасу: „Нынѣ видѣх, яко сила ваша яко челоѡческа, и нѣсть ваша сила болши наша сила, и яко я и та“. И рече ему Китоврас: „Царю, аще хоцещи видѣти силу мою, да соими с мене уже, дай же ми жуковину свою с руки, да видиши силу мою“. Соломон же сня с него уже желѣзное и дасть ему жуковину. Он же пожре, и простре крило свое, и заверже, и удари Соломона, и заверже ѣ на конецъ земля обѣтованная. Увѣдаша же мудреци его и книжници, взыскаша Соломона» [БЛДР. Т. 3. С. 178].

Именованье Соломона братом Китовраса сближает версию Васильевских врат с кратким рассказом, читающимся в другом сборнике Ефросина (ныне в составе той же рукописи-конволюта, л. 263) и из других источников неизвестным. Эпизод с забрасыванием Соломона на край земли обетованной в этом рассказе отсутствует, зато в конце его сказано: «глаголют его, яко царев сын Давидов», из чего следует, что Соломон и Китоврас — братья. Как братья Соломон и Китоврас фигурируют и в книжной повести XVII в., излагающей историю похищения Китоврасом жены Соломона [Буслаев, 1861. С. 718–721]. С клеймом врат этот текст сближает и то, что оба протагониста представлены в нем царями (на вратах Китоврас, как и Соломон, изображен в короне). Указавший на эти сходства А.Н. Веселовский предположил, что оба рассказа существовали уже в XIV в., отразившись в изображении и надписи на вратах [Веселовский, 1872. С. 223–224]. Краткий рассказ Ефросина, которого Веселовский не знал, может также ссылаться на источник повести. Предположение А.Г. Боброва, объясняющего фразу непосредственным знакомством Ефросина с надписью Васильевских врат, не учитывает этой возможности и кажется излишним.

Слова за слово [іе](го), очевидно, имеют в виду слова Соломона, усомнившегося в силе Китовраса. В палейном рассказе действие Китовраса действительно представлено как спровоцированное этой речью. Примечательно также употребление в надписи глагола метати (меце) — в сказании ему соответствует заврещи (заверже). Формулировка надписи находит близкое (с точностью до разницы в управлении) соответствие в грамоте Новгорода Колывани 1441 г., которая заканчивается фразой: «И мы своего брата новгородца Петра не мечемъ» (то есть ‘не бросим’) [Анкудинов, 2018. С. 16; в [Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 117] глагол прочитан с ошибкой]. Едва ли это случайное совпадение — скорее, в надписи мы имеем дело с аллюзией к политическому языку своего времени. Заметим, что слова (К)итоврасъ меце братомъ своімъ

5

6

7а

7б

ил. 5 Васильевские врата 24. «Китоврас и Соломон». Правая створка, ряд 6, правое клеймо. 1335/1336, третий мастер

fig. 5 Vasilievsky Gate 24. Kitovras and Solomon. Right fold, sixth row, right scene. 1335/1336, the third master

ил. 6 Васильевские врата 25.1. «Сладость сего мира». Левая створка, ряд 7, левое клеймо. 1335/1336, третий мастер

fig. 6 Vasilievsky Gate 25.1. The sweetness of this world. Left fold, seventh row, left scene. 1335/1336, the third master

ил. 7 Васильевские врата 25.4-5. «Сладость сего мира». Левая створка, ряд 7, левое клеймо. 1335/1336, третий мастер

fig. 7 Vasilievsky Gate 25.4-5. The sweetness of this world. Left sash, seventh row, left scene. 1335/1336, the third master

отделены от последующего текста точкой, которая далее ставится между всеми фонетическими словами.

25. «Сладость сего мира». Левая створка, ряд 7, левое клеймо. 1335/1336, третий мастер.

<Т1: в верхней части композиции> [ил. 6] (дре)въ~ сладость~ сегъ· мира
 <Т2: слева, над головами аспидов> ·ѣ·
 <Т3: справа, над головами аспидов> ·ѣ·
 <Т4: в левом нижнем углу, возле крепления> (ноц)ь ц(р)наа м(ы)шь
 <Т5: в правом нижнем углу> [ил. 7] днѣ мѣшь б(л)аа

Сюжет клейма составляет так называемая «Притча о сладости сего мира», входящая в популярную в Древней Руси «Повесть о Варлааме и Иоасафе». В притче повествуется о человеке, который бежит от единорога (олицетворяющего собой смерть) и падает в пропасть (земной мир), но успевает схватиться за ветвь дерева. Держась за дерево, человек видит белую и черную (день и ночь), грызущих корень дерева. Заглянув вниз в пропасть, видит огнедышащего змея, готового его поглотить (олицетворяющего адскую утробу). Посмотрев на уступ, на который он упирается ногой, человек видит четырех аспидов (четыре стихии, из которых составлен человек). А подняв глаза, замечает капли меда, истекающего из ствола дерева, и, забыв окружающие его опасности, устремляется к этому меду. Мед представляет собой сладость мира сего, заставляющую человека забыть о собственном спасении [Кирпичников, 1876. С. 170–171].

Целый ряд пояснительных надписей сопровождает это клеймо. Справа читаются буквы въ, которые, по-видимому, представляют собой конец слова (дре)в<о>, относящегося к центральному элементу изображения. Характерна орфография надписи с заменой о на ѣ, которой мастер придерживается и в следующем сочетании: сладость сегъ мира. Справа и слева от дерева изображены головы аспидов, однако, в отличие от притчи, здесь мы насчитываем не четыре, а шесть монстров. Неслучайность этой интерпретации, которая не встречается ни в одной из известных нам рукописей повести, подтверждается надписью «З» с каждой стороны.

Хорошо читается надпись днѣ мѣшь б(л)аа, относящаяся к животному, подгрызающему корни древа жизни человека. Справа изображена также черная мышь, однако надпись, к ней относящаяся, почти целиком скрыта под ограничительной пластиной. Удаётся прочесть буквы ѣ(ѣ/ѣ)ц, выходящие из-под пластины, дальше часть слова закрыта декоративным креплением, и видны лишь полустертые конечные буквы шь. Из этих данных можно восстановить сочетание (ноц)ь ц(р)наа м(ы)шь, образующее изящный хиазм вместе с надписью о белой мыши. Эту надпись упоминает В.Н. Лазарев [Лазарев, 1970. С. 204], а также А.А. Мединцева [Мединцева, 2006. С. 87], но без слова «ночь».

Надписи на умбонах⁸

26. 1-1. <у фигуры серафима> о архн^т
27. 1-2. <у фигуры серафима> о архн̃
28. 1-3. <у фигуры серафима> о архн^т
29. 1-4. XVI в. <у фигуры Богоматери > (Мр) ΘϞ
30. 1-5. <у фигуры Спасителя> Іѣ Хѣ
31. 1-6. <у фигуры Иоанна Предтечи > Іѡ |im.|(анъ)
32. 2-1. <у фигуры евангелиста Луки > ЛѢ|ка аи|о|[с](ъ) (sic!)
33. 2-2. XVI в. <у фигуры евангелиста Матфея > оа^т Ма^т|im.|ѡеи · егл^{ст}ъ
34. 2-3. <у фигуры евангелиста Марка> Мар|къ |im.| аги|о||с̃|ъ~
35. 2-4. <у фигуры Иоанна Богослова> Іѡ |im.| Ѡель|гъ
Второе слово — записанное в «бытовой» орфографии, с заменой о на ѡ, Ѡелогъ, народный вариант к книжному Ѡеологъ (греч. θεολόγος, 'Богослов'). Ср. в Лобковском прологе 1282 г.: великыи оученикъ Х(с)въ Іѡ Фелогъ⁹.
36. 2-5. <у фигуры святителя Василия Великого > Ва|си|ли ~ |im.| о а|ги|ос̃ ~
37. 2-6. <у фигуры святителя Иоанна Златоуста> Іва|нъ |im.| Зл(а)|гъ|(Ѣ)ст[ъ]
38. 3-1. <у фигуры святителя Климента> аги(осъ) |im.| Кли|ман|то ~
39. 3-2. <у фигуры святителя Николая > Нико|ла |im.| о аги|ос̃(ъ)
40. 3-3. <у фигуры святителя Ипатия> Юлпа|тиї
41. 3-4. XVI в. <у фигуры целителя Косьмы> Ко|im.|зма

⁸ Цифры 1-1 обозначают «1-й ряд умбонов, 1-й умбон» и т.д. Даты в этом разделе указаны только при надписях XVI в., остальные надписи по умолчанию датируются 1335/1336 г.

⁹ Пролог «Лобковский» сентябрьской половины 1282 г., ГИМ, Хлуд. 187. Л. 31.

42. 3-5. <у фигуры святителя Гри|гори|ї |im.| Во^{с̃} Во^{с̃} Григория Богослова>

Структуру этой изящной надписи не удастся интерпретировать, не предполагая ошибки. Несомненно, второе слово должно означать «Богослов». Восстановить его возможно, если допустить целых две описки в написании слова Бо^т 'во (с заменой ѡ на о в конце): начальная б заменена на в и выносная г заменена на с.

43. 3-6. <у фигуры святителя Ипатия> Юлпа|тиї |im.| о а{г}гi-|с̃ъ

Первая буква Г написана по ошибке зеркально, вторая — сливается с написанной вплотную к ней буквой І.

44. 4-1. <у фигуры великомученика Георгия> Георг|иї

45. 4.3. XVI в. <у фигуры мученика Лавра> о а^т · |im.| Лав(р̃ъ)

Над именем виднеется начало надписи, не поддающейся интерпретации.

46. 4-4. <у фигуры неизвестного святителя> о аги-|с̃~:

47. 4-6. <у фигуры великомученика Прокопия> Про|копиї |im.| о а|ги|(о)с

48. 5-3. <у фигуры целителя Косьмы> Коу|зм|а

Надписи на нащельнике

49. «Троица-Сопрестолие». Пластина в верхней части нащельника. XVI в.

- <Т1> Іс^{с̃} Хс̃
<Т2> Духъ Сты
<Т3> Гѣ Са(ва)|im.|ѡе

50. Вкладная надпись. Нащельник, вокруг фигуры Христа. 1335/1336

- <Т1: вкладная надпись, над и под изображением Христа> [ил. 8]
в лѣ^т *s̃w̃m̃д̃ индик^т лѣ^т д̃
исписаны двери сина повелѣ(ни)
емь б̃^г олюбиваго архиеп̃па но(вго)
родьского |im.| Василь(на)
при кнази блговѣр(нѣ)[^м]
Иванѣ Данилов[и^ч]
при посадничьствѣ Фе[д](о)
ровѣ Данилови^{ча} при т(ы)
сацьскомъ Аврам[ѣ]

- <Т2: по бокам от головы Христа>

Іс^{с̃} Хс̃

В предыдущих публикациях не отражена выносная буква а после выносной ч в отчестве Федора Даниловича. При посадничьствѣ Федоровѣ Даниловича —

8

ил. 8 Васильевские врата 50.1. Вкладная надпись. Нащельник, вокруг фигуры Христа. 1335/1336

fig. 8 Vasilievsky Gate 50.1. Inscription. Panel strip around the figure of Christ. 1335/1336

ил. 9 Васильевские врата 54 а. Молитва архиепископа Василия. Нащельник, под изображением Богородицы. 1335/1336

fig. 9 Vasilievsky Gate 54a. Prayer of Archbishop Vasily. Panel strip under the image of the Virgin 1335/1336

ил. 10 Васильевские врата 54 б. Молитва архиепископа Василия. Нащельник, под изображением Богородицы. 1335/1336

fig. 10 Vasilievsky Gate 54b. Prayer of Archbishop Vasily. Naschelnik, under the image of the Virgin 1335/1336

9

10

образец древнерусского синтаксиса посессивных конструкций: при обозначении possessора именем с приложением первое принимает форму притяжательного прилагательного, а второе ставится в родительном падеже.

51. Цитата из Евангелия (Ин.10:9). Нащельник, на раскрытой книге в руках у Христа. 1335/1336

<на первой странице>

Азь е|смь д|верь | мно|ю аще

<на второй странице>

кто в|ниде|ть спа|сете|са·

Как справедливо отметил А.В. Чернецов, выбор евангельской цитаты [Ин. 10:9] обусловлен функцией предмета, на котором находится изображение [Чернецов, 1975. С. 46]. По отношению к каноническому тексту, в котором глаголы стоят в 3-м лице единственного числа, второе е в спасетеса должно рассматриваться как окказиональный эффект бытовой орфографии. Вряд ли случайно, однако, что единственная замена ь на е (на три стандартных употребления ь) произведена в словоформе, которая в принципе может быть понята как 2-е лицо множественного числа («кто [из вас] войдет – спасетесь»).

52. Молитвенная запись от лица архиепископа Василия. Нащельник, возле фигуры архиепископа Василия, снизу слева от фигуры Христа. 1335/1336.

(мо)лить

архи~~е~~

(п)ѣ В~~ъ~~

(а)си~~ъ~~

лии

53. «Богородица». Нащельник, по бокам от головы Богородицы. 1335/1336.

Мир Ѡ~~ѣ~~

54. Молитва архиепископа Василия. Нащельник, под изображением Богородицы. 1335/1336 [ил. 9, 10].

о Прѣтана Гже Дво Влѣдце Бѣе всако възлагаю надежу на та и оупованье · и хо(д) атаицю та имѣна къ сѣу твоюму и Бѣ [с] вѣ[ро] ю притькана въ бжствѣнныи храмъ твои (·) чре(с) [ъ] надежу дарованье приемлетъ тѣмь и азь смѣр(ен) ы грѣшныи рабъ твои архиепѣтъ Васили все оупован(ые) [м]оѣ възложихъ на та Гже Прѣтана к тебе прибѣгаю [и] (пр)[и]падаю грѣшную главу свою прекланяю и руцѣ недо(сто) инѣ простираю прикасаюса прѣтѣмь твоимъ сто [па]мь ѿ лица твоего не ѿверзи ма да не ѿпад[у] (ч)ана (ни)на моего оубогыи азь а иже на црѣвь твою (в)[ъ]ст[а] (ю)тъ тѣхъ Влѣдцице лица посрами и крѣтъмь сѣа си (по)губи ихъ и людемъ вѣрнымъ даиже радост[и] (иж)е съблюдаютъ [д](о)[с]тона(н)[и]е до[м](а) твое[го]

Критический аппарат:

2: и хо(д)|атаицю] АЛ: на (тя ход)|атаицю; ВЛ: на [ход]атаицю.

3: Бў [с] =АЛ; ТН, ЮП: Бцѣ; =АП, с конъектурой Бў.

4: чре(с)|[ъ] АЛ, ВЛ: чес(тныи); ТН, ЮП, АП: чре(с)|ъ.

5: смѣр(ен)|гы] =АЛ, ВЛ, АП; ТН, ЮП: смѣр[тн]ы.

8: (пр)|и|падаю] =АЛ, ВЛ; ТН, ЮП, АП: падаю.

10: (ч)а|иа|(ни)|иа] =АЛ, ВЛ; ТН, ЮП: чае[... ча; =АП, с конъектурой чаганиа.

11: (в)ѣст[а]|(ю)ть] АЛ: вѣст(уп)|ить; ТН, ЮП: ... ѡсь|... ть; =АП, с конъектурами вѣстають (?), вѣстѹпить (?).

12: сѣа си] АЛ, ВЛ: сѣа с(воего);

14: [д](о)[с]тоа(н)[и]ѣ до[м](а) твое[го]] =АЛ, ВЛ; ТН, ЮП: ... тою... ѣ до... твое; = АП, с конъектурой достоаение дома твоего.

Существующие транскрипции молитвы [Кавелин, 1884. С. 92; Лазарев, 1970. С. 193; Николаева, 1976. С. 62; Пятницкий, 1996. С. 309; Преображенский, 2010. С. 195] значительно расходятся между собой в воспроизведении текста на сильно затертых краях строк. Большинство конъектур для этих плохо сохранившихся мест было предложено уже первым публикатором надписи архим. Леонидом. Не считая многочисленных мелких неточностей, его транскрипция неверна в трех позициях: в конце 2-й строки Леонид прочел на (тя ход)|атаицю, на переносе с 4-й на 5-ю — чес(тныи), в конце 12-й — сѣа (своего). Эти ошибочные чтения, воспроизведенные в публикации В.Н. Лазарева, были исправлены Т.В. Николаевой, но не до конца: во втором случае Николаева прочла чресъ (последнюю букву, левый край которой срезан, мы восстанавливаем как ѡ); в третьем — снаси (без интерпретации, хотя в подлиннике надежно читается сѣа си ‘сына своего’, с энклитической формой местоимения). К сожалению, адресовав своим предшественникам упрек в том, что надпись воспроизводилась ими «с большим искажением и произвольными добавлениями», Т.В. Николаева отказалась и от нескольких удачных прочтений и высоковероятных конъектур архим. Леонида, из-за чего текст в ее воспроизведении сделался местами неудобочитаемым и лишенным смысла. Шагом назад в сравнении с транскрипцией Леонида было и чтение Бцѣ во 2-й строке (вместо Бў с у Леонида): в действительности буква, следующая за б, имеет совершенно иное начертание, чем ц, и может быть прочитана только так, как ее прочел архим. Леонид; достаточно уверенно читается и следующее с. Также ошибочным было исправление конъектуры смѣръ(ныи) на смѣр[тн]ыи: чтение неудовлетворительно по смыслу и противоречит орфографии надписи, последовательно различающей е и ѣ. В публикацию Ю.А. Пятницкого транскрипция Т.В. Николаевой перешла почти без изменений со всеми ее недостатками. Этой транскрипции в основном следует и А.С. Преображенский, приводя, однако, в скобках конъектуру архим. Леонида и в одном случае добавляя к ним собственную (вѣстають в 11-й строке; в нашей транскрипции — (в)[ъ]ст[а]|ють).

Адекватная транскрипция молитвы и предложение конъектур для утраченных фрагментов обнажают трудности иного порядка, с которыми сталкивается интерпретация надписи. Характерным образом, ее связного перевода

на современный язык до сих пор предложено не было. Это неудивительно: при ближайшем рассмотрении открывающий молитву период поражает как раз отсутствием связности — как смысловой, так и грамматической. При попытке понять его, не предполагая в тексте ошибок, вскрывается целый ряд логических несоответствий. Во-первых, сочетание «возлагать упование» повторяется дважды в отношении автора молитвы: сначала в настоящем времени, затем в прошедшем. Во-вторых, союз и оказывается нефункционален, соединяя глагол в форме 1-го лица (возлагаю) с причастиями (имѣа и притькаа), которые логически относятся к предикату в 3-м лице (приемлетъ). В-третьих, этот предикат лишен субъекта, и хотя последний легко угадывается («всякий, кто <...>, дарование приемлетъ»), пониманию периода в целом это не способствует.

Этот клубок противоречий начинает распутываться, когда мы опознаем искомым субъект в написании всако, трактовав его как местоимение <всакъ>, в котором конечный ѡ заменен на о. В этом случае остается лишь предположить элементарную опisku, чтобы устранить все синтаксические нестыковки: заменив возлагаю на возлагаа¹⁰, мы вместо выпадающей из контекста формы 1-го лица получаем начальное звено в цепи однородных причастий (возлагаа — имѣа — притькаа), и предложение оказывается идеально синтаксически и логически выстроенным. Перед нами двухчастный период, первая часть которого относится к субъекту всакъ, тогда как вторая, вводимая сопоставительным тѣмь и азъ, имеет своим субъектом автора молитвы. Замена исходного всякъ возлагая(и) на всако возлагаю полностью развалила конструкцию периода. Причиной ошибки могла стать графика оригинала, с которого была сделана надпись. Обратим внимание на написание притькаа, в котором — единственный раз в тексте молитвы — е заменено на ѡ. Если в оригинале надписи смешение ѡ с е и ѡ с о носило системный характер, то при переводе текста в стандартную графику написание всакъ вполне могло быть ошибочно трактовано как наречие всако, что могло повлечь за собой и замену причастия формой 1-го лица.

Как только удастся устранить синтаксическую нелепицу в начале текста, молитва предстает перед нами как изящная и тщательно выстроенная литературная композиция. Можно заметить, что автор складывает свою молитву из готовых литургических формул, то есть говорит на языке, на котором принято обращаться к Богородице. Ср. следующие параллели:

«Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим». (Богородичны восьми гласов, 2 глас, четверг утром.)

«Никтоже, притекаяй к Тебе посрамлен от Тебе исходит, Пречистая Богородице Дево, но просит благодати и приемлет дарование к полезному прошению». (Богородичны восьми гласов, 6 глас, понедельник вечером.)

«Не отвержи мене от лица твоего» (50 псалом).

«Богородице, всех Царице, православных похвало, еретичествующих шатания разори и лица их посрами, не кланяющихся, ниже чтущих, Пречистая, честный Твой образ». (Богородичны восьми гласов, 6 глас, понедельник утром.)

¹⁰ Характерно, что именно так читает это место архим. Леонид [Кавелин, 1884. С. 92].

«Руце простираю к тебе, и скверней устне отверзаю к молению, и преклоняю сердечное колено, и умно ногам твоим пречистым ныне прикасаюся, чистая: и припадаю к тебе» (стихира, глас пятый, на малой вечерни).

Характерно, что все совпадения молитвы с ее литургическими источниками не выходят за пределы отдельных словосочетаний. Заимствуемые элементы, модифицируясь, вплавляются в оригинальную авторскую композицию. Даже там, где используется целый псалтырный стих, его части переставлены местами — автор избегает цитирования целыми фразами.

Сказанному как будто противоречит важное наблюдение А.С. Преображенского, указавшего на почти дословное сходство значительной части текста молитвы с вотивной надписью иконы «Спас митрополита Киприана», выполненной на рубеже XIV–XV вв. [Преображенский, 2010. С.199]. Чтобы оценить масштаб сходства и заодно представить текст молитвы Василия Калики в адекватной ее риторической организации форме, запишем его еще раз, с коньектурами и в упрощенной графике, выделив совпадения с молитвой на иконе митрополита Киприана:

О Пречистая Госпоже Дѣво, Владычице Богородице!

Всякъ възлагаи надежу на тя и оупованье
и ходатаицю тя имѣя къ Сыну твоему и Богу,
с вѣрою притекая въ божествьнии храмъ твой,
чресь надежу дарование приемлеть.

Тѣмъ и азъ смѣрены грѣшнии рабъ твои, архиепископъ Василии,
все упование мое възложихъ на тя.

Госпоже Пречистая, к тебе прибѣгаю и припадаю,
грѣшную главу свою преклоняю
и руцѣ недостоинѣ простираю,
прикасаюся пречистымъ твоимъ стопамъ.

От лица твоего не отверзи мя,
да не отпаду чаяния моего оубогыи азъ.

А иже на церковь твою вѣстають,
тѣхъ, Владычице, лица посрами
и крестомъ Сына си погуби ихъ,
и людемъ вѣрнымъ даи же радости,
иже съблюдают достояние дома твоего.

Нельзя не согласиться с А.С. Преображенским, который пишет по поводу соотношения двух памятников: «Сходство этих крупных и нестандартных фрагментов, а также иконографическая близость двух композиций с изображениями русских иерархов XIV столетия позволяет сделать вывод о существовании особой традиции архиерейского донаторского портрета». Примечательно, однако, что, за исключением «Спаса митрополита Киприана», круг созданных на Руси произведений, демонстрирующих эту общую традицию, составляют новгородские памятники XIV в.: донаторская композиция на Васильевских

вратах, вотивная икона 1337 г. архиепископа Моисея и ее реплика 1362 г., связанная, очевидно, с архиепископом Алексием. Закономерно встает вопрос: не возник ли «Спас митрополита Киприана» под прямым влиянием новгородской традиции, с которой Киприан, дважды посетивший Новгород в 1391 и 1395 гг., был несомненно знаком? Именно поздний период святительства Киприана, с момента его окончательно утверждения на митрополии в 1389/1390 г. и до смерти в 1406 г., А.С. Преображенский считает наиболее вероятным временем создания иконы Спаса с портретом митрополита. Если наше предположение верно, то текстуальное совпадение между двумя памятниками должно объясняться как прямое заимствование составителем молитвы на московской иконе из новгородского источника. Состав молитвы Киприана (как убедительно показывает А.С. Преображенский, автором текста был, скорее всего, сам митрополит) как будто подтверждает это предположение. Дело в том, что, в отличие от молитвы Василия Калики, литературная техника которой уже была охарактеризована выше, молитва Киприана оперирует готовыми текстовыми блоками. Она открывается обширным заимствованием из Чина православия, которое продолжает сокращенный парафраз Никео-Константинопольского Символа веры. Непосредственно за ним начинается отрезок текста, совпадающий с молитвой Василия Калики. При этом, если в молитве Василия этот пассаж, описывающий действия молящегося, органично достраивает период, первая часть которого констатирует общее положение дел («всякий, уповающий на тебя, ... принимает дар; поэтому и я ... возлагаю на тебя все свое упование»), то в молитве Киприана логика его соединения с предшествующим исповеданием веры не столь очевидна. Искусственным и громоздким, в отличие от новгородского текста, выглядит и введение субъекта молитвы. Ср. у Василия Калики: «Тѣмъ и азъ смѣрены грѣшнии рабъ твои архиепископъ Василии все упование мое възложихъ на тя. Госпоже Пречистая, к тебе прибѣгаю и припадаю...» И у Киприана: «Тѣмъ же смиренный и грѣшный, чину священства прилежаи по разсужению, якоже изволи великое твое имя Господне, к тѣбе прибѣгаю и к тебѣ припадаю...»

Особенно важно отметить следующее. Как мы уже видели, первоисточник общего для двух молитв фрагмента определяется однозначно — это богородичная стихира пятого гласа. В молитве Василия, обращенной к Богородице, этот фрагмент не выделяется на фоне остального текста, пронизанного такими же микрозаимствованиями из богородичных песнопений. Киприан же в своей молитве обращается к Спасителю, и использование им этого источника оказывается изолированным фактом¹¹.

11 В пользу предполагаемого нами соотношения двух молитв свидетельствует и сопоставление их синтаксической организации. Бросается в глаза частотность союзов *яко* и *якоже* в молитве Киприана (в общей сложности 10 употреблений) и их полное отсутствие в молитве Василия. Во фрагменте молитвы Киприана, совпадающем с молитвой Василия, *яко* и *якоже* закономерно отсутствуют, при том что в обрамляющих этот фрагмент фразах они представлены. Таким образом, молитва Василия и в этом отношении обнаруживает свою однородность, а молитва Киприана — свой сложносоставной характер.

Итак, все говорит о том, что одним из источников молитвы на иконе «Спас митрополита Киприана» послужила если не сама молитва Василия Калики на вратах 1336 г., то, по крайней мере, идентичный ей текст. Первичность этого текста проявляется и в его соотношении с памятником, который А.С. Преображенский характеризует как своего рода «прародительницу» вотивных портретов архиепископа Василия и митрополита Киприана — иконе «Богоматерь Максимовская», созданной в конце XIII в. как вотивный образ митрополита Максима. Как отмечает Преображенский [Преображенский, 2010. С. 269], слова молитвы Василия **ходатаицю тя имѣя къ Сыну твоему и Богу и прикасаюса пречистымъ твоимъ стопамъ** перекликаются с текстом надписи, по-видимому, читавшейся на Максимовской иконе и сохранившимся в поздней копии: «... преклоняя главу свою подножию твоему, дево Мати Божия. Молю тебе, ко Отцу и Сыну твоему, ходатайствуй о мне». Заметим, что связь между двумя текстами обнаруживается лишь на уровне содержания: о текстуальном заимствовании здесь говорить не приходится. В этом еще раз проявляется оригинальный характер молитвы Василия, представляющей собой авторское литературное произведение новгородского владыки.

Перевод: О Пречистая Госпожа Дева Владычица Богородица! Всякий, возлагающий на тебя надежду и упование и имеющий тебя Ходатаицей к твоему сыну и Богу, приходя с верой в твой божественный храм, через надежду дар принимает. Так и я, смиренный грешный раб твой архиепископ Василий, все свое упование возложил на тебя. Госпожа Пречистая, к тебе прибегаю и припадаю, грешную главу свою преклоняю и руки недостойные простираю, прикасаюсь к Пречистым твоим стопам. От лица твоего не отвергни меня, да не лишусь я, убогий, моего чаяния. А кто на церковь твою встанет, тех, Владычица, лица покрой стыдом, крестом Сына своего погуби их. И дай радости верующим людям, которые сохраняют достояние дома твоего.

55. Нащельник, на пластине с изображением Иоанна Предтечи. XVI в.

о аг· ĭwa |im.| Прете(ча)

56. Нащельник, на пластине с изображением Гурия, Самона и Авива. XVI в.

<T1>

о аг· Само^н

<T2>

о аг· м^н къ в^н ѡв

Последнее слово, по-видимому, нужно читать как Авивос.

57. Нащельник, на орнаментальной пластине под пластиной с изображением Гурия, Самона и Авива. 1335/1336.

Обрывок надписи не поддается интерпретации.

Заключительные замечания

Резюмируя наблюдения, сделанные в комментариях к отдельным текстам Васильевских врат, отметим те из них, которые существенны для характеристики памятника в целом. К ним относятся:

- предположительное прочтение надписи на лабаруме в клейме «Благовещение, архангел Гавриил» (5.2) как краткой молитвы за заказчика врат: «Святыи Господи, помози Василию»;
- прочтение криптограммы «Иерусалим» в клейме «Благовещение, Богоматерь» (6.3);
- реконструкция в клейме «Рождество Христово» названия Вифлеема (7.2), выступающего в народной форме Оѡ(леемъ), вызванной переосмыслением воспринятого на слух евангельского текста;
- указание на апокрифическую традицию как источник надписания имен волхвов в том же клейме, — по-видимому, самого раннего в древнерусском искусстве;
- реконструкция надписей клейма «Весы страшного суда» (22), ранее не имевших связной интерпретации;
- уточнение прочтения и атрибуции источников надписи клейма «Соломон и Китоврас» (24);
- реконструкция исходного вида молитвы архиепископа Василия, атрибуция ее литургических источников и подтверждение принадлежности текста перу новгородского владыки (54).

Все перечисленное подтверждает то, что и ранее отмечалось в качестве определяющих характеристик Васильевских врат — ведущую роль заказчика, архиепископа Василия Калики, в составлении иконографической программы памятника и оригинальность самой программы, глубоко укорененной в культуре Новгорода XIV в.

Самобытные черты исследователи справедливо отмечали и в языке надписей, «с их сочным просторечием и ярко выраженными диалектизмами» [Лазарев, 1970. С. 203], но круг этих диалектизмов до сих пор определялся с ошибками. Так, В.Н. Лазарев [Там же. С. 208] относил к числу новгородских особенностей надписей «полное смешение» **ѣ** с **е** и **ѣ** с **и**, иллюстрируя первое примерами **оустретение** (8.1) и **въскрѣшьние** (13.1), а второе — примером **смѣреньнии** (54). Однако второе и третье написания являются этимологически правильными. На самом деле случаи мены **ѣ** и **и** в надписях врат отсутствуют, мена же **ѣ** и **е** представлена, помимо первого указанного Лазаревым примера, только написанием **благовещѣние** (6.2)¹², так что о полном смешении этих графем говорить не приходится. С другой стороны, эта мена широко встречается и в пергаменной книжности, что делает данный признак малопоказательным с точки зрения языковой специфики надписей. То же относится и к смешению **ц** и **ч**, представленному в надписях врат написанием **меце** (24) и **ц(р)наѡ** (25.4). Действительно яркими диалектными чертами являются между тем замена **а** на **ѡ** в **устрашаетѣ** (22.3), отражающая широкое произношение ятя, и отсутствие окончания **-тъ** в **меце** (24).

¹² Не учитываем последовательную запись с **е** неполногласий приставки *пре-*, а также Д. ед. тебе (54), поскольку в этих позициях замена этимологического **ѣ** на **е** широко представлена в древнерусских памятниках, начиная с древнейших.

В области графики самобытность памятника проявляется в нарушающих книжный стандарт случаях смешения ъ с о и ъ с э. Приведем полностью соответствующий материал, распределив его по типам замен.

Ъ – О	О – Ъ	Ь – Е	Е – Ъ
(Iwa)но 9.1	Лазоровъ 13.1	Ане на 11.1	въскрѣшьние
Никодимо 11.4	за сл[о]въ 24	спа сете са 51	13.1
Кли ман то 38	(дре)въ, сегъ 25.1		wкань 22.6
	өөль гъ 35		притькаа 54
	Зл[а] тъ [8]ст[ъ] 37		

Эти графические замены встречаются в надписях, атрибутируемых разным мастерам; в одних случаях они представляют единичные отклонения от нормы (притькаа 51), в других — носят системный характер. Особенно показательна картина в клеймах 22, 24 и 25, принадлежащих третьему мастеру и демонстрирующих только замены о и е на ъ и ъ, при отсутствии обратных. Стандартные и «бытовые» обозначения этимологических о и е находятся в них в соотношениях 4:1 (22), 10:1 (24) и 2:2 (25). Можно думать, что в оригинале надписей — рукописном тексте, полученном мастерами, эффекты бытовой орфографии были проведены более последовательно.

Заканчивая, заметим, что предложенные в этой статье реконструкции текстов не полностью читаемых надписей Васильевских врат, вообще говоря, принципиально верифицируемы. Буквы, оказавшиеся закрытыми при последней сборке врат, скорее всего, не утрачены, но сохраняются под обрамляющими элементами. И если при будущей реставрации памятника это обрамление будет снято, наши реконструкции можно будет проверить на предмет их достоверности.

ЛИТЕРАТУРА

- Анкудинов И.Ю. Поправки к чтению некоторых новгородских грамот XII–XV вв. // Вестник Альянс-Архео. М.; СПб., 2018. Вып. 25. С. 11–19.
- Антыпко М.И. Васильевские врата: к вопросу о дополнениях XVI века // Зубовские чтения. Струнино, 2005. Вып. 3. С. 42–54.
- Баранкова Г.С. Астрономическая и географическая терминология в «Шестодневе» Иоанна Экзарха Болгарского // Памятники русского языка: Исследования и публикации. М.: Наука, 1979. С. 150–171.
- Бегунов Ю.К. Новонайденное апокрифическое «Слово о звезде Ираньи» // Zeitschrift für Slawistik, 1983. Bd. 28, Hft. 2. P. 238–257.
- Боброев А.Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси. СПб.: Наука, 1994. 169 с.
- Боброев А.Г. Китоврас Ефросина Белозерского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Росток, 2017. Т. 65. С. 423–449.
- Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М.: Унив. тип., 1861. 835 с.

- Веселовский А.Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб.: Тип. В. Демакова, 1872. 373 с.
- Галинская Е.А. Рефлексы фонемы <ѐ> в смоленском диалекте начала XVII в. // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 94–100.
- Гиппиус А.А., Михеев С.М. Две древнерусских загадки XII–XIII вв. из Новгорода и Новгородка // Храм і люди. Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Высоцького. Київ, 2013. С. 81–90.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подг. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова, А.И. Копанев, Г.Е. Кочин, Р.Б. Мюллер, Е.А. Рыдзевская; под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Гульманов А.Л. Васильевские врата 1336 года: актуальные проблемы исследования // IV Деминские чтения. Отчетн. науч. конф. Музея имени Андрея Рублева по итогам 2018 года. 3–4 апреля 2019 г. Тез. докл. С. 32–39.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
- Кавелин, архим. Леонид. Описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1884. 160 с.
- Кирпичников А.И. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков: Унив. тип., 1876. 383 с.
- Лазарев В.Н. Васильевские врата 1336 года // Лазарев В.Н. Средневековая русская живопись. М.: Наука, 1970 (переизд. статьи 1953 г.). С. 179–216.
- Медынцева А.А. О мастерах Васильевских врат 1336 г. (эпиграфические наблюдения) // Российская археология. 2006, № 2. С. 81–90.
- Мороз А.Б. Церковнославянский язык в фольклорных текстах: глоссолалия или герменевтика? // Рябининские чтения — 2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. Т.Г. Иванова. Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск, 2015. С. 372–375.
- Мурзакевич Н. Васильевские двери в городе Александрове // ЖМНП. XVI, 1837. С. 600–622.
- Мясоедов В.К. Краткая записка о Васильевских вратах. Сб. Новгородского общества любителей древности. Вып. 3. Новгород, 1910. С. 1–8.
- Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука, 1976. 288 с.
- Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 564 с.
- Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях: По рукописям Соловецкой библиотеки. СПб.: Тип. Академии наук, 1890.
- Преображенский А.С. Ктиторийские портреты средневековой Руси XI — начало XVI века. М.: Северный паломник, 2010. 542 с.
- Псковская икона XIII–XVI веков / Авт. вступ. ст. М.В. Алпатов, И.С. Родникова; сост. и авт. кат. И.С. Родникова. Л.: Аврора, 1990. 324 с.
- Пятницкий Ю.А. Двери церковные («Васильевские врата») ... // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века / Ред. И.А. Стерлигова, Л.И. Лифшиц. М., 1996. С. 297–321. Кат. 76
- Свенцицкая И.С. Апокрифические Евангелия: Исследования, тексты, комментарии. М.: Присцельс, 1996. 206 с.
- Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV в. М.: Наука, 1976. 392 с.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- Трифонов А.Н. Бронзовые двери Софийского собора в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1995. № 9. С. 230–242.
- Царевская Т.Ю. Николо-Дворищенский собор // Лифшиц Л.И., Сарабьянов В.Д., Царевская Т.Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI — первая четверть XII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 429–530.
- Чернецов А.В. К изучению символики новгородских врат 1336 г. // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 40–47.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Надписи на Васильевских вратах 1336 года

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гиппиус Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Старая Басманная ул., д. 21/4, Москва, Российская Федерация, 105066. agippius@mail.ru
Лащук Светлана Аркадьевна — независимый исследователь

АННОТАЦИЯ

В статье представлен сводный каталог надписей на новгородских «Васильевских» вратах 1336 г., включающий в себя тексты, прочитанные впервые и ранее не опубликованные. Помимо самих надписей, в каталоге приводятся пояснения к прочтениям спорных мест, дается характеристика орфографии и комментируются источники надписей. Для сложно читаемых надписей — таких как комплекс текстов в композиции «Весы духовные» и надпись в клейме «Китоврас и Соломон» — впервые предлагается последовательная интерпретация, а для молитвы на нащельнике врат уточняется транскрипция и перевод, что позволяет полнее охарактеризовать литературную технику ее автора — архиепископа Василия Калики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Эпиграфика, Васильевские врата, надписи на церковных вратах, новгородская письменность, архиепископ Василий Калика.

TITLE

Inscriptions on Vasilyevsky Gates, 1336

AUTHORS

Gippius, Alexei Alexeevich — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences, HSE University, 21/4 Staraya Basmannaya Ulitsa, Moscow, Russian Federation 105066. agippius@mail.ru
Laschuk Svetlana Arkadyevna — independent researcher

АБСТРАКТ

The article presents a consolidated catalog of inscriptions on the Novgorod gates of 1336, which includes texts read for the first time and previously unpublished. In addition to the inscriptions themselves, the catalog provides explanations for the readings of controversial places, as well as notes on the orthography and the sources of the inscriptions. For hard-to-read inscriptions, such as the complex of texts in the composition “Weighing of a soul” and the inscription in the plate “Kitovras and Solomon”, a coherent interpretation is offered for the first time. The transcription and translation for the prayer on the door strip are specified, which allows a more complete description of the literary technique of its author archbishop Vasily Kalika.

KEYWORDS

Epigraphy, Vasilyevsky gates, inscriptions on the church doors, Novgorod writing, archbishop Vasily Kalika.

REFERENCES

- Ankudinov I.Iu. Correcting the Reading of some Novgorod Letters of the 12th–15th Centuries. *Vestnik Al'ians-Arkheo (Archaeo-Alliance Bulletin)*. Moscow, Saint Petersburg, 2018. Issue 25, pp. 11–19 (in Russian).
- Antypko M.I. Vasilyevsky Gates: On the Additions of the 16th Century. *Zubovskie chteniia (Zubov Readings)*. Strunino, 2005. Issue 3, pp. 42–54 (in Russian).
- Barankova G.S. Astronomic and Geographic Terms in the Hexameron of John the Exarch of Bulgaria. *Pamiatniki russkogo iazyka: Issledovaniia i publikatsii (Works of Russian Language: Studies and Publications)*. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 150–171 (in Russian).
- Begunov Iu.K. Newly Found Apocryphal “Word about the Star of Irani”. *Zeitschrift für Slawistik*, 1983. Bd. 28, Hft. 2, S. 238–257 (in Russian).
- Bobrov A.G. Efrosin Belozersky's Kitovras. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (Old Russian Literature Department Works)*. Saint Petersburg, Rostok Publ., 2017, vol. 65, pp. 423–449 (in Russian).
- Bobrov A.G. *The Apocryphal “Tale of Afroditiāna” in Literature and Old Russian Books*. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1994. 169 p. (in Russian).
- Buslaev F.I. *Istoricheskaia khrestomatiia tserkovnoslavianskogo i drevnerusskogo iazykov (The Historical Anthology of Old Russian and Church Slavic)*. Moscow, V Universitetskoi tipografii Publ., 1861 (in Russian).
- Chernetsov A.V. K izucheniiu simvoliki novgorodskikh vrat 1336 g. To the Study of the Novgorod Gates (1336) Symbolism. *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 1975, issue 144, pp. 40–47 (in Russian).
- Galinskaia E.A. Reflexes of the <ë> Phoneme in Smolensk Dialect in early 17th Century. *Voprosy iazykoznanii (Language Studies)*. 1995, no. 4, pp. 94–100 (in Russian).
- Gippius A.A., Mikheev S.M. Two Old Russian Riddles of the 12th–13th Centuries from Novgorod and Novogradok. *Khram i liudi. Zbirka statei do 90-richchia z dnia narodzhennia Sergiia Oleksandrovichia Vysots'kogo (The Temple an People. Collection of Articles to the 90th Anniversary of Sergey Oleksandrovich Vysotsky)*. Kiiv, 2013. P. 81–90 (in Russian).
- Gul'manov A. L. Vasilyevsky Gates, 1336: Actual Problems of Studies. *IV Deminskie Chteniia. Otchetnaia nauchnaia konferentsiia Muzeia imeni Andreia Rubleva po itogam 2018 goda. 3–4 aprelia 2019 goda. Tezisy dokladov (4th Demin Readings. Proceedings of the End of the Year Conference at the Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art. 2019)*, pp. 32–39 (in Russian).
- Kavelin, arkhim. Leonid. *Opisanie pervoklasnago Uspenskago zhenskago monastyre v gorode Aleksandrove (Description of the First-Class Assumption Convent in Aleksandrov)*. Saint Petersburg, Tipografiia imperatorskoi akademii nauk Publ., 1884 (in Russian).
- Kirpichnikov A.I. *Povest' o Varlaame i Ioasafe (Tale of Varlaam and Ioasaf)*. Khar'kov, v Univ. tip. Publ., 1876 (in Russian).
- Lazarev V.N. Vasilyevsky Gates, 1336. *V.N. Lazarev, Srednevekovaiia ruskaia zhivopis' (Lazarev V.N. Medieval Russian Painting)*. Moscow, Nauka Publ., 1970 (reprint of a 1953 article), pp. 179–216 (in Russian).
- Alpatov M.V., Rodnikova I.S. (eds.) *Pskovskaia ikona XIII–XVI vekov (Pskov Icons of 13th–14th Centuries)*. Leningrad, Avrora Publ., 1990. 324 p. (in Russian).
- Medyntseva A.A. On the Creators of Vasilyevsky Gates, 1336 (Epigraphic Notes). *Rossiiskaia arkheologiiia (Russian Archaeology)*, 2006, no. 2, pp. 81–90 (in Russian).
- Miasoedov V.K. Brief Note on Vasilyevsky Gates. *Sbornik Novgorodskogo obshchestva liubitelei drevnosti (Collection of the Novgorod Antiquity Admirers Society)*, Issue 3, Novgorod, 1910, pp. 1–8 (in Russian).
- Moroz A.B. Church Slavonic in Folklore, Glossolalia or Hermeneutics? *Riabininskie chteniia — 2015. Materialy VII konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii kul'turnogo naslediiia Russkogo Severa (Ryabinin Readings — 2015. Materials of the 7th Conference on the Studying and Actualising the Russian North Heritage) Muzei-zapovednik «Kizhi»*. Petrozavodsk, Muzei-zapovednik «Kizhi» Publ., 2015, pp. 372–375 (in Russian).

- Murzakevich N. Vasilyevsky doors in Aleksandrov. *ZhMNP (Journal of the Ministry of Public Education)*. 1837, vol. 16, pp. 600–622.
- Nikolaeva T.V. *Prikladnoe iskusstvo Moskovskoi Rusi (Applied Arts in Muscovite Russia)*. Moscow, Nauka Publ., 1976. 288 p. (in Russian).
- Piatnitskii Iu.A. Catalogue №76. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda: Khudozhestvennyi metall XI–XV veka (Applied Arts in Novgorod the Great: Metal Crafts, 11th–15th Centuries)*. Moscow, 1996, pp. 297–321 (in Russian).
- Pokrovskii N.V. *Evangelie v pamiatnikakh ikonografii, preimushchestvenno vizantiiskikh i russkikh (The Gospel in Iconography, Mostly Byzantine and Russian)*. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2001. 564 p. (in Russian).
- Porfir'ev I.Ia. *Apokrificheskie skazaniia o novozavetnykh litsakh i sobytiakh: Po rukopisiam Solovetskoj biblioteki (Apocryphal Tales of Gospel Figures and Events: Based on the Manuscripts of Solovetski Library)*. Saint Petersburg, tipografiia Akademii Nauk Publ., 1890 (in Russian).
- Preobrazhenskii A.S. *Ktitorskie portrety Srednevekovoi Rusi. XI – nachalo XVI veka (Ktitor Portraits in Medieval Rus'. 11th – early 16th Centuries)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2012. 542 p. (in Russian).
- Smirnova E.S. *Zhivopis' Velikogo Novgoroda. Seredina XIII – nachalo XV v. (Novgorod the Great Painting. Middle 13th – early 15th Centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1976. 392 p. (in Russian).
- Sreznevskii I.I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam (Materials for the Dictionary of Old Russian by Works of Writing)*. Vol. 1–3. Saint Petersburg, 1893–1903 (in Russian).
- Svetsitskaia I.S. *Apokrificheskie Evangelii: Issledovaniia, teksty, kommentarii (Apocryphal Gospels: Studies, Texts, Commentaries)*. Moscow, Pristsel's Publ., 1996. 206 p. (in Russian).
- Trifonova A.N. Bronze Doors of the Sofia Cathedral in Novgorod. *Novgorod i Novgorod-skaia zemlia. Istorii i arkhologiiia (Novgorod and its Land. History and Archaeology)*. Novgorod, 1995, no. 9, pp. 230–242 (in Russian).
- Tsarevskaia T.Iu. Saint Nicholas Cathedral. *Lifshits L.I., Sarab'ianov V.D., Tsarevskaia T.Iu. Monumental'naia zhivopis' Velikogo Novgoroda. Konets XI – pervaiia chetvert' XII veka (Lifshits L.I., Sarab'ianov V.D., Tsarevskaia T.Iu. Novgorod the Great Murals. Late 11th – First Quarter of 12th Centuries)*. Saint Petersburg, 2004 (in Russian).
- Veselovskii A.N. *Slavianskie skazaniia o Solomone i Kitovrase i zapadnye legendy o Morolf'e i Merline (Slavic Tales about Solomon and Kitovras and Western Legends about Morolf and Merlin)*. Saint Petersburg, Tipografiia V. Demakova Publ., 1872. 373 p. (in Russian).
- Zalizniak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt. 2-e izd., pererab. s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg. (Old Novgorodian Dialect, Second Edition with the Results of 1995–2003 Findings)*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 872 p. (in Russian).

Л.А. Беляев

Собор и кладбище. Высоко-Петровский монастырь (Москва): находки, утраты, методические ошибки 2010-х годов Часть вторая¹

© 2021

УДК 904:72(470-25)
ББК 85.11(2)

Поступила в редакцию 24.11.2021

В первой части статьи была разобрана хронология периферийных частей собора Петра Митрополита на протяжении XVI–XVII вв. [Беляев, 2021]. Материалом для анализа послужили десятки надгробных плит, глубоко проникших в структуру серии крылец и галереи. Теперь речь пойдет о дате первоначального ядра храма в его связи с прилегающим поврежденным кладбищем. Задача второй статьи — проверить, до какой степени археология в состоянии надежно датировать здание сама, без помощи летописных и архитектурных данных. К тем сведениям, которые были получены на рубеже 1970–1980-х гг. [Реставрация памятников архитектуры, 1988; Беляев, 1994; Беляев, 1996], добавлю результаты раскопок 1916 г. к юго-востоку от галереи, опубликованные пока частично [Савельев, Беляев, 2016. С. 188–191; Беляев, Григорян, Савельев, 2017. С. 20–25; Беляев, 2018. С. 2–6; Беляев, Савельев, Григорян, 2019. С. 228–231]. Они плотно соединяются с материалами работ 1980-х гг., что позволяет построить единую картину развития участка² [ил. 1].

Следует начать с того, что изначальная поверхность кладбища, от которого остались могилы и надгробия (из них многие лежат на своих местах), подстилает строительный уровень собора и фиксируется как внутри, так

- 1 Статья написана в рамках НИОКТР № 122011200385-1 «Эталонные памятники археологии Московской Руси и Российской империи: монастырь и город в ландшафте XIV–XIX вв.».
- 2 Архитектурные аргументы в основном выношу за скобки, это отдельная тема: реставрационные исследования Б.П. Дедушенко до сих пор не опубликованы, затрудняюсь привести даже ссылку на реставрационный отчет.